

компанию из трех или четырех отборных головорезов кардинала. Его величество конечно же осведомлен о некоторых трениях, существующих между теми и другими; теперь уже сложно установить, с чего все началось, но определенно, кто-то сказал что-то неприемлемое для кого-то другого, слово за слово, рапиры вылетели из ножен, и пошла обычная драка. Но кончилось все хорошо; правда, бедный Атос ранен в правую руку и был бы несомненно убит, если бы не своевременное вмешательство храброго деревенского мальчика, которого привел Портос. Де Тревилль сообщил его величеству, что этот мальчик представляет собой нечто определенно выдающееся; что ему пришлось биться один на один с неким Бернажу, могучим, сильным мужчиной и опытным фехтовальщиком, и он держался с ним на равных, парировал все его атаки и в конце концов проткнул ему плечо, после чего смог прийти на помощь к Атосу как раз вовремя. Не забыл капитан мушкетеров упомянуть и о том, что побежденные люди кардинала, оставшись без оружия, позорно бежали, бросив несчастного Бернажу истекать кровью на земле, а мушкетеры его пожалели, оказали ему, как могли, первую помощь, в то время как самый юный сбегал за каретой, в которой раненого отвезли домой, и передали его с рук на руки врачу. Что касается мальчика, добавил де Тревилль, то о нем капитану мушкетеров известно все, поскольку д'Артаньян-старший, отец юноши, — один из его старейших друзей. Так король остался в полной уверенности, что стычка была чистой случайностью, а никоим образом не запланированной дуэлью; он послал за молодым героем, похвалил его за благородное поведение, одарил и поручил его опеке де Тревилля.

Франсуа де Монморенси, граф де Бутвилль: его деяния и его смерть

Кардиналом де Ришелье, как и за много лет до него — королем Людовиком XI, владела одна мысль. Правда, у короля были на то исключительно эгоистические мотивы, он хотел всевластия, а Ришелье же руководила только преданность своему царственному повелителю, желание сделать короля Франции, кем бы он ни был, абсолютным монархом. Суть его плана была та же, что и у старого Людовика, — он желал полностью сокрушить крупных представителей знати в своих владениях и уж в любом случае — всех тех, кто отказывался с готовностью подчиниться абсолютной власти монарха. Надо сказать, что сам кардинал многого не достиг, поскольку зачастую жестокое выполнение изложенной им программы обеспечило ему репутацию человека, которого больше, чем кого бы то ни было во Франции, ненавидели и боялись. Среди тех, кого он поверг, был и Франсуа де Монморенси, граф де Бутвилль, страстный дуэлянт и известный забияка, о котором рассказывали, что он, услышав мельком, как о ком-нибудь говорят, что он храбрый человек, тут же отправлялся на его поиски, находил и бросался к нему со словами: «Месье, говорят, что вы храбрец, — я хочу проверить это лично; какое оружие вы предпочитаете?» Бедняге приходилось драться и умирать лишь для удовлетворения прихоти человека, с которым он не ссорился и, возможно, никогда даже не был знаком. Благодаря своему безрассудному поведению Бутвилль попал в когти Ришелье, да так и не выкарабкался из них; однако направлен был этот удар не на дуэлянта, а на Монморенси.

Бутвилль был в свое время королем мира фехтования. У него в доме имелся огромный зал, где стояло великое множество оружия, как тупого, так и острого, с которым можно было практиковаться; не было недостатка и в освежительных напитках для гостей — хозяин был гостеприимен. В этом зале каждое утро собиралась молодежь, *raffinés d'honneur*⁴², как им нравилось себя называть, чтобы пофехтовать или предаться менее невинным занятиям. В эпоху рапиры учебные шпаги уже были, хотя, похоже, большинству театральных режиссеров об этом неизвестно, поскольку они неизменно заставляют бедных Гамлета и Лаэрта выходить на бой с современными фехтовальными шпагами, которые отражают как по внешнему виду, так и по манере боя оружие, появившееся через много лет после смерти

⁴² Цвет дворянства (фр.). (Примеч. пер.)